

II. Историки

УДК 908

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ В ТРУДАХ ВОЕННОГО ИСТОРИКА Н.Ф. ДУБРОВИНА

Валерий Николаевич Черепица,
доктор исторических наук, профессор
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

Научно-историческое творчество замечательного русского военного историка Н.Ф. Дубровина на протяжении последних десятилетий трактовалось крайне односторонне и негативно. В настоящей статье опровергается упрощенный подход к оценке его вклада в отечественную историческую науку. Особое внимание уделено осмыслению ученым исторического факта, эволюции его воззрений к этой фундаментальной категории исторического познания.

Ключевые слова: Н.Ф. Дубровин, Крым, Кавказ, Севастополь, историческая наука, исторический факт.

Замечательный русский военный историк Н.Ф. Дубровин (1837–1904) являл собой тип исследователя, пришедшего в науку не столько по своему образованию, сколько по велению души и сердца. Воспитанник Полоцкого кадетского корпуса Константиновского артиллерийского училища и Михайловской артиллерийской академии, имевший все данные для успешной карьеры в войсках, молодой офицер, будучи причисленным к Главному штабу армии, всей душой отдался издавна увлекавшему его делу – созданию весьма нужных ар-

мии и государству военно-исторических трудов. Благодаря многолетней исследовательской работе, связанной с изучением и изданием документов по русской военной истории (Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 годов и войны по овладению Россией Кавказом), Н.Ф. Дубровин постепенно приобрел не только солидные навыки, необходимые для публикатора исторических документальных источников, но и выработал свою собственную концепцию военной истории России. Признанием его высоких заслуг перед отечественной исторической наукой стало избрание генерал-лейтенанта от артиллерии Н.Ф. Дубровина академиком Российской Академии наук по историко-филологическому отделению, а также ученым секретарем ее. Несомненным свидетельством научного авторитета ученого стало назначение его на должность редактора весьма известного в научных кругах журнала «Русская Старина» [1].

В советское время Н.Ф. Дубровин был необоснованно отнесен к числу т.н. «дворянских историков» (Н.К. Шильдер, С.С. Татищев, Д.И. Иловайский и др.), а получение им генеральского звания расценивалось не как дань его трудам на ниве военно-исторической науки, а как своеобразное поощрение за «охранительную точку зрения» по отношению к существующей власти.

По этой причине взвешенный анализ основных трудов историка исключался, а его, стоявшая несколько особняком работа «Пугачев и его сообщники», рассматривалась, разумеется, лишь с утвердившихся классовых позиций и неизменно подвергалась критике. Вместе с этим хулители Дубровина не могли не признать, что историк первым из исследователей получил возможность изучить следственное дело Пугачева, и что уже сам факт освещения восстания под его предводительством приобретал в то время «важное не только научное, но и общественное значение». Однако, и здесь, как бы в оправдание «относительности» данного суждения, критики Дубровина отмечали, что «фактический материал, приводимый в книге, иногда вступал в противоречие с выводами и оценками автора» [2]. Абсурдность такого суждения более чем очевидна при ознакомлении с содержанием данного труда и откликами на него современников историка [3].

Ненамного изменилось отношение к историческим воззрениям историка и в последнее время. Его по-прежнему трактуют, как «правительственного историка», труды которого «в своем большинстве – насыщенные документами издания, в которых Дубровин больше выглядел добросовестным составителем, чем автором с определенной концепцией». Последнее в данной трактовке никак не вязалось с признанием трехтомника Дубровина о Пугачеве в качестве издания, которое «способствовало более объективному и основательному изучению крестьянской войны, что сближало его с тогдашними либераль-

ными историками» [4]. Все вышеотмеченное свидетельствует о необходимости более углубленного исследования научного творчества Н.Ф. Дубровина, включая его отношение к анализу исторических документальных источников и собственно исторического факта, как фундаментальной категории исторического знания.

На начальном этапе своей научной деятельности Н.Ф. Дубровин относился к историческому факту, прежде всего, как к событию или явлению исторической действительности. Отсюда было особенно заметно его стремление к выявлению тех событий или фактов, которые были обойдены вниманием историков. Уже в одном из первых своих крупных трудов «Сербский вопрос в царствование Александра I» (СПб., 1863 г.), основанном на изучении документов, хранящихся в архивах военно-учебном и министерства иностранных дел, историку удалось показать «многочисленные факты высокого и бескорыстного участия России в деле освобождения одного из славянских племен от турецкого ига», что послужило для последующих историков в качестве источника, впервые вводимого в научный оборот. Открытия «как-то забытого» вдохновляло молодого исследователя на новые поиски в документах эпохи Александра I. Вслед за «Сербским вопросом» появились «Материалы для истории царствования Александра I», «Турецкая война 1806–1812 гг.», «Москва и граф Растропчин в 1812 г.», «Наполеон и поляки в 1812 году», которые подарили также военно-исторической науке «массу исторических фактов и совершенно новых сведений» о той эпохе.

В ходе изучения фактов-событий у Н.Ф. Дубровина углубился интерес к жизни и деятельности ряда личностей, вошедших в историю России тех лет (граф Н.М. Прозоровский, генерал А.П. Ермолов и др.). Их биографии укрепили у историка представления о тесной взаимосвязи хода истории с деятельностью окружения венценосцев. Последнее особенно стало заметным после обращения Дубровина к изучению событий в Польше, предшествовавших ее первому разделу и выявлению при этом ряда новых материалов, заимствованных им из Московского архива министерства иностранных дел, а также архива князей Волконских и князя П.П. Вяземского. При этом ему в ряде статей удалось впервые поведать читающей публике «о действиях России в Польше в 1764 году и об участии ее в возведении на польский престол Станислава Понятовского», о чем не было ни слова ни у С.М. Соловьева в его «Истории падения Польши», ни в статьях П.К. Щербальского на эту тему. Немало новых фактов открыл он и при изучении участия России «по составлению в 1770 году в Польше самостоятельной конфедерации», а также ввел в научный оборот ряд уточнений и поправок к работам предшествующих и современных авторов [4].

Параллельно с историей русско-польских отношений Н.Ф.Дубровин занимался и изучением Кавказа. Эта тема увлекла историка не только в силу собственной направленности научных поисков, она была одновременно поручением поручения императора Александра II – «составить историю покорения и владычества русских» в этом регионе. При проведении этой работы историк не только проанализировал содержимое петербургских и московских архивов, но и отправился на Кавказ, где изучал местные архивы, собирал предания, легенды и песни и прочее. Результатом этих работ, проводимых в течение 1870–1880-х гг., было создание 8-томного капитального труда «История войны и владычества русских на Кавказе». В этот период ученый факт, как событие, все больше и больше рассматривал, как сообщение источника, т.е. как определенную информацию о событии. В предписании к этому труду Н.Ф. Дубровин писал: «только ознакомившись с бытом туземного, т.е. местного населения, можно указать и на причины, вызвавшие какое-либо распоряжение, то или другое историческое событие. Только при таком знании можно критически отнестись к фактам, сделавшимся достоянием истории. При изложении кавказской войны более чем где-нибудь необходимо изучение народного быта, народного характера, потому что, как мы увидим впоследствии, отсутствие таких сведений у администрации вело ко многим ошибкам, имевшим неблагоприятные и серьезные последствия».

Подчеркивая важность знания народного быта кавказских племен, историк указывал, что речь здесь не идет о необходимости знания полной их этнографии, а лишь знании характера данных племен «в том положении, в котором застали их русские войска, впервые появившиеся на Кавказе». Разъясняя данный тезис данного тезиса, он писал следующее: «Войскам и администрации решительно нет необходимости в знании, кто был родоначальником их противника, и которое поколение по счету живет на месте нынешнего столкновения, но войскам необходимо знать, храбр ли их противник или трус, а администрация – каковы его силы, и в чем заключается источник значения или могущества неприятеля. Ей необходимо знать характер и быт того народа, с которым она приходит в столкновение, и среди которого проявляется ее власть и значение. Войска и администрация поступают в этом случае по тем общим законам, которые обуславливают поступки каждого человека в его частной жизни» [5].

В рецензии Е. Феоктистова на труд Дубровина, посвященный теме Кавказа и Закавказья, отмечалось: «Автор исполнил свою задачу весьма добросовестно; он работал над темой по новейшим источникам, извлекая из архивов множество новых, ранее не известных науке документов, и какой яркий свет они бросают на период времени,

послуживший темой для его исследования! Мы не станем утверждать, что автор обнаружил в нем слишком много исторического и литературного таланта, но документы, сообщаемые им, до такой степени красноречивы сами по себе, что читатель легко простит ему некую неловкость в рассказе. Одно из главных достоинств книги состоит в том, что она имеет интерес современный, хотя и посвящена периоду, удаленному от нас более чем полу столетием» [6].

Весьма интересные сведения о процессе осмысления Дубровиным исторического источника и факта имеются в его работах, посвященных Крымской войне и обороне Севастополя. Указанные исследования проводились также по поручению императора Александра II, поэтому их насыщенность многочисленными, ранее неизвестными документальными материалами, а, следовательно, и фактами, была исключительной. В 1876 году Н.Ф. Дубровин вручил императору, вслед за опубликованным сборником документов, и свою рукописную «Историю Крымской войны и обороны Севастополя». В сопроводительном письме к рукописи историк, в частности, писал: «В прошлом году Вашему Императорскому Высочеству угодно было поручить мне составление «Истории Крымской войны и славной обороны Севастополя». Осчастливленный столь высоким вниманием и руководимый чувством глубокого уважения к эпохе памятной России во многих отношениях, я старался при характеристике лиц и описании совершившихся событий, положить в основание своего труда полное беспристрастие. Слава деятелей той волны составляет гордость настоящего поколения, ошибки их – также урок для него. Как то и другое могут вытекать только из полного беспристрастного и спокойного обсуждения событий, обсуждения, предпринятого без всякой предвзятой идеи опорочить лицо, или придать ему значение больше того, которое он заслуживал. Воздавая каждому по заслугам, я излагал события так, как представлялись они мне по собранным документам и тем материалам, которые Вашему Императорскому Высочеству угодно было приказать передать мне для пользования».

Отмечая свою вынужденность освещать историю Крымской войны не с ее причин и истоков, а с открытия военных действий, Н.Ф. Дубровин писал: «Напрасно историк Крымской войны стал бы искать причины неудачи только в различных злоупотреблениях в администрации – он погрешил бы против истины и не уяснил бы себе многого. Несомненно, злоупотребления существовали в нашей армии в самых широких размерах, но не справедливо было бы и то мнение, что расхищение казны оказало исключительное влияние на исход войны. Наши неудачи происходили не от недостатка пищи или одежды, а в совокупности других причин и, прежде всего, в ошибочном определении пунктов обороны нашей обширной границы. Мы не шли

навстречу опасности, а следовали за нею и оттого всегда опаздывали». Завершая письмо к императору, военный историк показал место и значение войны в ратной истории России: «Крымская война при всех ее недостатках и ошибках, будет всегда служить для настоящего и будущего поколения поучительным и прекрасным примером того, как следует любить свое Отечество и жертвовать за него жизнью. Каждый изучающий ее будет удивлен не обилием стратегических соображений, но обилием героев, проявивших удивительную стойкость и энергию».

По свидетельству В.Е. Рудакова в этой «Истории» было собрано «наиболее полное и верное освещение очень многих фактов, имевших тогда место, а равно и самые точные характеристики главных деятелей Севастопольской обороны, подкрепленные новейшими документальными данными». И, тем не менее, рукопись «Истории Крымской войны» не была рекомендована к опубликованию и увидела свет лишь в 1900 году. В предисловии к ней автор не только рассказал о том, что мешало осуществлению задуманного им плана исследования, но и кратко осветил свое отношение к историческим фактам периода той войны: «Получив лестное для меня поручение и приступая к занятиям, я попросил разрешения о допущении меня в те архивы, в которых хранятся дела, относящиеся до истории войны 1853–1856 гг. Последовавшее разрешение сопровождалось весьма значительными ограничениями. Канцлер князь Горчаков разрешил мне пользоваться делами архива министерства иностранных дел, «за исключением дипломатической и секретной переписки (а другой никакой и не могло быть в архиве, так как она не имеет прямого отношения (?) к военным действиям той эпохи и не подлежит оглашению». Такое ограничение ставило меня в положение автора, принужденного начать свое исследование не с начала, а с середины».

Однако, и в описании исключительно важных действий историк был ограничен в возможности использования переписки императора Николая I с главнокомандующими и начальниками отдельных отрядов, которая считалась долгое время секретной. Несмотря на то, что автор вынужден был согласиться с такими условиями проведения исследования, его рукопись была признана «неудобной для обнародования», и только спустя 25 лет она появилась в печати с соизволения императора Николая II и в том виде, в каком она была представлена императору Александру II. Печальясь по поводу случившегося, Н.В. Дубровин в указанном предисловии отмечал: «Ни мои годы, ни служебные обязанности не позволяют мне приступить к собиранию новых материалов для дополнения и переработки текста, и я льщу себя только одной надеждой, что труд мой все-таки имеет некоторое значение и может быть полезен для будущего историка войны. В нем он

и читатель найдут такие данные, которые собраны мною из показаний очевидцев и рукописных записок лиц ныне умерших, свидетельство которых остается единственным объяснением совершившихся фактов и дополнением к официальным источникам, из коих некоторые уже уничтожены [7].

О внимательном отношении Дубровина к историческому факту, поведенному очевидцами тех событий, свидетельствует и его краткое предисловие к своему труду «Трехсот-сорока-девяти-дневная защита Севастополя» (СПб., 1872): «Получив приглашение написать общедоступную историю трехсот-девяти-дневной защиты Севастополя и сознавая всю трудность такого исполнения, я изъявил согласие принять на себя этот труд только при том условии, чтобы мне дозволено было читать рукопись, по мере ее составления, лицам, принимавшим участие в защите славного города.

Изъявив согласие на выраженное мною желание, председатель Севастопольского отдела на политехнической выставке генерал-адъютант А.А.Зеленый под непосредственным своим председательством пригласил к слушанию рукописи следующих лиц: адмирала Панфилова; генерал-лейтенантов Баумгартена, Менькова и Гарднера; вице-адмирала Керна; контр-адмиралов Перелешина и Воеводина; генерал-майоров Леера, Шварца и Фролова; полковников Крижановского и Дельсаля и капитана 1-го ранга Асланбекова. Считаю долгом принести мою искреннюю благодарность всем этим лицам за те замечания, которые были мне сделаны. Вместе с тем, нахожу необходимым сказать, что при составлении этого труда я пользовался и другими, ниже указанными трудами (Тотлебена, Алабина, Берга, Жандра и многими-многими другими)» [8]. Проверка достоверности того или иного факта Крымской войны осуществлялась историком их комплексным использованием, углубленной работой с источниками как реальными остатками прошлого.

Осмысление исторического факта, как отражения определенного явления действительности в сознании исследователя, т.е. уже в качестве научно-исторического факта было достигнуто Н.Ф. Дубровиным в ходе «Обзора событий по поводу сочинения М.И. Богдановича», «Восточная война 1856–1856 годов». Труд этот и по целому ряду вновь сообщаемых фактов, и по множеству поправок и дополнений к работе Богдановича, и, наконец, по более живому и образному изложению истории войны, по мнению В.Е. Рудакова, «далеко превосходил последнюю и доставил автору звание члена-корреспондента Академии наук» [9].

Видя в Богдановиче своеобразного конкурента в разработке истории Крымской войны, Дубровин был далек от того, чтобы умалять значение труда последнего и искать в нем лишь недостатки и места, тре-

бывавшие более полной обрисовки событий». Рецензент позволил это себе только потому, что сочинения Богдановича, по его мнению, «заслуживают полного внимания в силу его несомненных достоинств, а потому оно вполне может быть отнесено к числу сочинений, которые, во-первых, соответствуют современным требованиям, а, во-вторых, восполняют тот пробел, который ощущался в нашей военно-исторической литературе». Подчеркивая приоритеты своего ученого коллеги, Дубровин указывал, что последний «не имел путеводителя и должен был сам прокладывать себе путь среди многочисленного и весьма разнообразного материала. Оценка последнего вполне зависела от личных взглядов автора. Взгляды на достоинство и важность источника, даже на самые события, могут быть различны и слагаются они под впечатлением характера и обилия источников. Владея последними в большей или меньшей степени, автор может останавливаться или на описании одних фактов, или же, вместе с тем, исследовать и причины, вызвавшие совершившиеся события. «Восточная война» М.И. Богдановича, можно сказать, принадлежит к первой категории». В своем «Обзоре» Дубровин доказал это весьма предметно [9].

Показателем эволюции отношение историка к историческим источникам и научно-историческому факту следует признать и другие его издания: «Отечественная война в письмах современников», «Письма главных деятелей в царствование Александра I», «Депеши посланника Я.И. Булгакова. 1779–1798 гг.», «Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. 1775–1782 гг.», «Доклады и приговоры правительствующего Сената в царствование Петра I», «Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730», «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии». Капитальным приобретением русской исторической науки стал труд Н.Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники». В нем исследователь через углубленную работу с источниками и комплексное использование научно-исторических фактов добился более или менее адекватной реконструкции явлений второй половины XVIII века. Однако, ни все современники Н.Ф. Дубровина отметили наличие динамики в его представлениях о месте факта в историческом повествовании. В частности, А. Брикнер в своем критическом очерке о «Пугачеве» Дубровина пытался убедить читателей, что «мелочи военных действий в этом труде подчас становятся утомительными; обобщений не встречается почти вовсе; суждения о лицах, характеристика фактов попадает в виде самого редкого исключения»; «научная группировка фактов отсутствует...». Несмотря на такого рода замечания, уже в заключении рецензент отмечает: «Будущие исследователи Пугачевского бунта не преминут воспользоваться трудом г. Дубровина, как сборни-

ком фактов, разъясняющих общий характер всего события и отдельных явлений его. Ученость, начитанность автора изумительны. Хотя он и не сумел разработать предмет, так сказать, монографически, в его сочинении разрешаются многие вопросы, оставшиеся спорными. Все это ставит труд г. Дубровина на весьма видное место в отечественной истории». Столь же противоречивым было отношение к историко-фактической стороне исследования и со стороны других рецензентов: некоего «А.Н.» и А.В. Арсеньева [10]. Причина такого отношения к историку заключалась в том, что критики его труда ожидали от него оценок явно политизированного свойства, он же добивался того, чтобы на основании всей суммы фактов читающая публика смогла бы сама дать оценку действий всех сторон, причастных к делу Пугачева и его сообщников. Этим самым он заявлял о своем желании оставаться историком, а не становиться прокурором или судьей.

Свидетельством возросшего уровня осмысления Дубровиным исторического факта следует признать его участие в издании учебного пособия для военных училищ «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней» (СПб., 1893). Будучи руководителем авторского коллектива (кроме него в написании пособия участвовали генерал-лейтенант Леер, генерал-майор Куропаткин, полковники Будим-Левкович, Сухотин и Пузыревский), генерал-майор Дубровин среди прочего выразил в предисловии к пособию и свое отношение к историческим фактам: «Сверх обобщения фактов, на долю авторов предлагаемых обзоров выпала миссия произвести: 1) группировку фактов с таким расчетом, чтобы из-за подробностей не затемнялась общая идея, лежащая в них, и чтобы постоянно была видна внутренняя логическая связь между ними; 2) неизбежно расчлняя факты (разделяя описание операций и сражений на периоды), при их описании постановка рубрик осуществлялась так, чтобы из-за них не терялась ни на минуту цельность картины того или другого события в полном его объеме, короче – возможно упорядочение изложения фактов, и 3) стремление к возможной простоте в изложении. Излагать факты так, чтобы при этом раскрывался их внутренний смысл, со всею ее жизненной правдой, избегая всякого рода декламаций и риторических прикрас, которые некоторыми авторами считаются необходимыми, чтобы заинтересовать читателя или слушателя. Нам кажется, что чем известный предмет сам по себе более важен, тем проще должно быть и его изложение. Таковы руководящие условия, поставленные при исполнении этого труда, и если не удалось их вполне применить к делу, то мы по крайней мере стремились к ним... Здесь положительные и отрицательные факты одинаково служат одному и тому же делу – ознакомлению наших офицеров с боевым прошлым их родной армии» [11].

Своему преклонению перед научно-историческим фактом Н.Ф. Дубровин был обязан, прежде всего, тому, что все свое свободное время отдавал работе в архивах, в которых он не переставал рыться почти до самой смерти. В последние годы своей жизни генерал-историк занимался сбором документов и фактов, имеющих отношение к движению декабристов. Будучи русским историком, отнюдь не первого ряда, он сумел в своей исследовательской работе отразить собственный и оригинальный опыт исторического познания, который складывался не без воздействия на него идей С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, В.И. Семевского и др.

Примечания:

1. Рудаков В.Е. Учено-литературная деятельность Н.Ф. Дубровина // Исторический Вестник, август 1904 г. С. 543–552; Записка академика А.Ф. Куника об ученых трудах адъюнкта Императорской Академии Наук Николая Федоровича Дубровина с 1887 по 1890 го. СПб., 1890. С. 1–10.
2. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1971. С. 253–254.
3. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1884. Т.1–III.
4. Цамутали А.Н. Правительственный историк: Николай Федорович Дубровин // Историки России XVIII – начало XX века. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 494–496.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн.1. СПб., 1874. С. XIV–XV.
6. Феоктистов. Начало русского владычества в Закавказье // Русский Вестник, февраль 1872 г.
7. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1400. С. IX–XV.
8. Дубровин Н.Ф. Трехсот-сорока-девяти-дневная защита Севастополя. СПб., 1872. С. I–II.
9. Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М.И. Богдановича. СПб., 1878. С. 505.
10. Вестник Европы, март 1886. С. 100–103; Исторический Вестник, февраль 1885. С. 439–441.
11. Обзор войны России от Петра Великого до наших дней, составленный Н.Ф. Дубровиным и др./ под общей ред. ген.-лейт. Леера. СПб., 1893. С. VI–XII.

UDC 908

HISTORIC FACTS IN MILITARY HISTORIAN N.F. DUBROVIN'S WORKS

Valery N. Cherepitsa,
Doctor of History, Professor
Grodno State University Yanka Kupala

Scientific and historic oeuvre of notable military historian N.F. Dubrovin was interpreted extremely negative and unilaterally in last decades. The article disproves simplified approach to his contribution to domestic historical science. Special attention is attached to understanding of historic fact by the scientist, evolution of his views of this fundamental category historic perception.

Keywords: N.F. Dubrovin, Crimea, Caucasus, Sevastopol, historic science, historic fact.